

2 От Федора Иоанновича до Алексея Михайловича

2.1

Геральдические эмблемы на печатях царей
конца XVI – первой половины XVII в.
«Земская» печать с одноглавым орлом

На Больших печатях царей Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Василия Шуйского, Михаила Федоровича на головах орла две короны, а между головами Голгофский крест (но без главы Адама и орудий страстей) (см. ил. 5). Исчезновение единственной, центральной, короны¹¹⁹ может объясняться тем, что на этих печатях отсутствуют земельные эмблемы, а композиционная замена короны крестом, как уже отмечалось в литературе, может символизировать православный характер Московского царства¹²⁰. Крест мог быть особенно актуален для религиозного царя Федора: земному царству он явно предпочитал Царствие Небесное, и эта духовная составляющая герба была усилена. Причем крест не просто венчает композицию, он как бы органично вырастает из самой центральной эмблемы герба, соединяясь с ней.

Примечательно, что единорог, который также сохраняется на Больших печатях в первой половине XVII в., «возвращается» к повороту направо от смотрящего – отсутствие территориальных эмблем вокруг главной фигуры возвращает традиционную ориентацию в соотношении правого и левого.

Существенно иное изображение российского герба наблюдается на прикладной односторонней печати Лжедмитрия I 1604 г., когда он еще титуловался «царевичем Московским»¹²¹. Здесь орел приобретает новый внешний вид: его крылья подняты и распушены, между перьями по-

явились фады, всадник в щитке на груди орла повернут влево от зрителя, он колет змия копьем в пасть и напоминает западноевропейские изображения Георгия Победоносца (см. ил. 6). Между и над двумя головами орла появляется третья корона, по форме и размеру отличающаяся от двух меньших¹²². Исследователи справедливо объясняют эти изменения тем, что печать, очевидно, изготовил польский мастер, о чем свидетельствуют и некоторые лингвистические особенности легенды, и само изображение¹²³. Внешний вид орла с центральной третьей короной и всадником, обращенным в «правильную» геральдическую сторону, отсылает к печатям и гербам Священной Римской империи и Польского королевства. Подобное изображение встречается и на одной из золотых медалей Лжедмитрия, по-видимому, созданных в Кракове в 1605 г. по случаю его обручения с Маринной Миншек¹²⁴. Когда же Лжедмитрий становится московским царем, то традиционные формы изображений российского герба возвращаются¹²⁵. Так что изменения 1604–1605 гг. следует скорее считать случайными, нежели видеть в них источник для дальнейшей эволюции герба.

Первое и второе ополчения («Совет всей земли») использовали так называемую «земскую» печать с одноглавым орлом (держащим в лапах змею?)¹²⁶. На этой печати не было никаких атрибутов власти и элементов прежнего герба. Одноглавый орел, видимо, обозначал «государство без государя», но стилистически отличался от двуглавого: его тело было слегка развернуто влево от зрителя, а голова повернута вправо. Это изображение вряд ли можно поставить в ряд российских геральдических орлов, скорее оно отсылает к эмблемам на печатях частных лиц, где нередки были античные и западноевропейские сюжеты¹²⁷.

2.2

Изменения государственных геральдических эмблем при Михаиле Федоровиче

В гербе на печатях первых Романовых державно-политическая семантика усилилась. При Михаиле Федоровиче происходят следующие трансформации государственного герба. Во-первых, по наблюдениям А.Л. Юрганова, всадник поражает змия уже не в шею, а в пасть (печать 1627 г.)¹²⁸, что стилистически сближает ездоца с образом Георгия Победоносца, хотя такое сопоставление еще не вербализуется. Ездец же во второй половине XVI–XVII в. обычно трактуется как изображение государя. Во-вторых, на Малых печатях Михаила Федоровича – «орловской воротной» с 1625 г. (см. ил. 7) и «двойной кормчей» с 1627 г. (см. ил. 8) – над и между головами орла появляется третья, большая по размерам корона¹²⁹ (три короны над головами орла изображены уже на доспехах Михаила Федоровича 1616 г.¹³⁰). С 1645 г. третья корона присутствует и на Большой государственной печати¹³¹.

Символические объяснения трех корон относятся к более позднему времени. Для печатей же Михаила Федоровича существенно не только то, что центральная корона больше двух других, но и то, что она принципиально от них отличается по стилистике изображения. Три короны здесь еще не составляют как бы единого комплекса. Третья корона венчает все изображение в целом, всю эмблему королевского орла и, следовательно, не предполагает единой интерпретации с двумя другими.

Прояснить семантику третьей короны позволяет царская грамота, посланная в феврале 1625 г. воеводе Ивану Ивановичу Баклановскому в Туринский острог, в которой говорилось о введении новой печати с Благовещения, 25 марта 1625 г.: «По нашему указу сделана наша печать новая, больше прежние, для того, что на прежней печати наше Государское титуло описано было несполна; а ныне перед прежнюю печатью прибавлено на печати в подписи, в нашем Государском именованьи: „Самодержец“; а что

у прежней нашей печати были промеж глав орловых слова, и ныне у новья нашая печати слов нет, а над главами у орла коруна»¹³².

Этот текст однозначно свидетельствует, что произошедшее изменение объяснялось необходимостью символически отобразить титул «самодержец». Третья корона, напрямую семантически не связанная с двумя меньшими, и была в данном случае наиболее подходящей эмблемой. И хотя слово «самодержец» в царском титуле появилось уже при Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове¹³³, только Михаил Федорович символически отобразил новый статус московского государя. Причем произошло это сначала лишь на Малых печатях, скреплявших внутриведомственные акты, и лишь спустя два десятилетия на Больших, скреплявших прежде всего акты внешнеполитические. Такое положение вполне объяснимо с учетом того, что признание прав Романовых на российский престол на международной арене было долгим и небезболезненным.

2.3

Государственный герб на печати 1667 г.

Еще более показательной в отношении государственно-политических идей стала Большая печать Алексея Михайловича 1667 г., созданная после окончания войны с Речью Посполитой за Левобережную Украину (см. ил. 9). В царском указе изображение на печати впервые именуется гербом. В его описании преобладает светская, кратологическая трактовка. Указ Алексея Михайловича «О титуле царском и о государственной печати» от 14 декабря 1667 г. содержит следующее официальное описание нового государственного герба: «Орел двоеглавный есть герб державный Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, Его Царскаго Величества Российскаго Царства, на котором три коруны изображены, знаменующия

три великия, Казанское, Астраханское, Сибирское, славныя Царства, покоряющиеся Богом хранимому и высочайшей Его Царскаго Величества милостивейшаго Государя державе и повелению. На правой стороне орла три грады суть, а по описанию в титле Великия и Малыя и Белья России, на левой стороне орла три грады своими писаньми образуют Восточных и Западных и Северных; под орлом знак отчича и дедича; на персех (*грудь*) изображение наследника, в пазноктах (*пазнокть – последний сустав пальца, на котором растет ноготь*) скипетр и яблоко и являют милостивейшаго Государя, Его Царскаго Величества Самодержца и Обладателя»¹³⁴. Каждый элемент герба трактуется в соответствии с тем или иным элементом царского титула, помещенного на печати: «Божиею милостию мы, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росни самодержец и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчич и дедич и наследник и государь и обладатель». Таким образом, весь царский титул отражен во всей совокупности эмблематических изображений. Само же изображение герба не только отражает титул, но и соответственно «выстраивается» в зависимости от его элементов (как это было и в случае Большой печати Ивана Грозного и сохранилось впоследствии при создании новых государственных гербов в императорский период).

В гербе 1667 г. мы видим целый ряд существенных эмблематических изменений, которые восходят к печати жалованной грамоты Алексея Михайловича Богдану Хмельницкому 1654 г., изображение с которой позднее перешло на печать Малороссийского приказа¹³⁵, образованного после присоединения Левобережной Украины к России. Следует думать, что эти изменения в значительной степени обязаны «малороссийской эпопее» Алексея Михайловича.

Крылья орла (впервые после кратковременного эпизода Лжедмитрия I) поднялись и расправились (между перьями заметны фяды), а в лапах появились знаки царской власти: в правой – скипетр, в левой – держава. Скипетр, как

следует из текста указа, соответствовал слову «самодержец», а держава – слову «обладатель». В целом же государь и его власть символически воплощались в ряде элементов герба и во всей их совокупности.

При этом эмблема всадника на груди орла соответствовала слову «наследник» царского титула. Таким образом, она также как бы символизировала самого государя, но через его титулование «наследником». Следует учитывать и тот факт, что понятие наследника, наследия, преемственности власти приобрело особенную актуальность именно в 1667 г. Первого сентября этого года (на новогодие 7176 г. от Сотворения мира) состоялось торжественное официальное объявление наследником престола сына Алексея Михайловича царевича Алексея Алексеевича (1654–1670). Это был очень значимый династический акт, подчеркивавший преемственность престолонаследия в новой царской династии (напомню, что сам Алексей Михайлович наследником не объявлялся, а вопрос о правах Романовых на русский престол в международном контексте был существенным в течение нескольких десятилетий после венчания Михаила Федоровича на царство). То, что понимание геральдического всадника в качестве «наследника», возможно, в какой-то степени сопрягалось с таким новым явлением государственной жизни, как официальный наследник русского престола, вроде бы подтверждается недолгим бытованием такой трактовки: уже к концу царствования Алексея Михайловича вернулось традиционное объяснение всадника как символического обозначения царя¹³⁶.

Интересно геральдическое окружение орла. Появление скипетра и державы в лапах орла (с тех пор почти всегда ставших обязательными атрибутами) в качестве символов самодержавной власти царя как будто ослабляло первоначальную семантическую «нагрузку» третьей короны. И действительно, теперь три короны обозначали три царства: Казанское, Астраханское и Сибирское. Подобное объяснение известно еще с 1630-х годов (Адам Олеарий: царства Русское, Астраханское и Казанское¹³⁷), но официально оно закрепляется только в 1667 г.

Изменению семантики эмблем, в данном случае корон, сопутствует и изменение стилистики их изображений: внешний вид корон становится одинаковым, а две короны, венчающие головы орла, поднимаются над ними и отрываются от них. Таким образом, три короны теперь представляют собой единую эмблематическую систему.

При этом, очевидно, центральная корона символизировала Казанское царство, правая – Астраханское и левая – Сибирское. Любопытно, что титул «всех Сибирских земель повелитель» появился уже при Иване Грозном с 1555 г.¹³⁸, но первоначально находился в заключительной части титула. При Борисе Годунове с 1599 г. появляется титул «царь Сибирский», который перемещается на третье место в перечне царств и следует за Казанью и Астраханью¹³⁹.

Семантика корон как символов трех ордынских царств имеет глубокие основания. Обладание тремя царствами как бы легитимировало и царский титул московского государя, резко повышало его статус. Недаром такое большое значение придавалось присоединению Казанского ханства при Иване Грозном. Как показала М.Б. Плеханова, обладание царственным градом, Казанью, становилось своего рода источником царственной силы и для Москвы¹⁴⁰. Обладание тремя царствами, бесспорно, укрепляло «царственность» Московского царства еще больше – это было уже не просто царство, а в некотором смысле «царство царств». По своему статусу царства стояли выше, чем все остальные объекты царского титула, и их семантическое сопряжение с коронами кажется вполне закономерным. А поскольку царств было три (такое положение сохранялось до начала XIX в.), то изменение семантики трех корон, а вслед за ней и стилистики самих изображений, стало закономерным.

Не случайно трактовка корон как символов царств особенно подчеркивалась в отношении с европейцами: первое такое объяснение мы встречаем в записках иностранца. Со временем смысловое значение корон изменилось, и та семантика, которую они имели при Михаиле Федоровиче (символ самодержавия, власти Московского государя), реанимировалась. Это, впрочем, не привело к обратному

изменению их внешнего вида. Все три короны остались непотоплены, в первой половине XVIII в. приняв вид императорских¹⁴¹.

Помимо трех царств на печати 1667 г. появились еще две триады эмблем. С правой стороны орла (при этом взгляд шел от орла) три города означали Великую, Малую и Белую России. Это титулование, появившееся при Алексее Михайловиче, свидетельствовало о присоединении исконных «русских», вернее древнерусских, земель. Новое изображение герба, о котором идет речь, появилось, напомним, после заключения Андрусовского перемирия с Речью Посполитой, закончившего войну за Левобережную Украину. Территория Московского государства существенно увеличилась за счет славянских земель. Расположение эмблем трех «Россий» сверху вниз соответствовало порядку их перечисления в титуле.

Менее очевидно значение еще трех эмблем – с левой стороны орла. Три города означают «Восточные, Западные и Северные страны». Что подразумевалось под этими понятиями, не совсем ясно. Скорее всего, они носили условный географический характер – власть московского царя распространяется на земли в трех частях света, причем как на востоке, символически благоприятном, так и на значительно менее «позитивных» западе и севере¹⁴². При этом восток, естественно, занимал первое место в титуле и верхнее место в ряду эмблем, запад – второе и среднее (вероятно, простая оппозиция востоку), а север (как наименее «благоприятная» сторона света) – третье и нижнее. Конкретная географическая локализация этих понятий, еще раз подчеркнем, вряд ли возможна.

Интересна, однако, история их появления в титуле. Так, слова «и иным многим землям Восточным и Северным государь» известны в интитуляциях грамот с середины 1510-х годов и идут сразу после слов «государь всея Руси». В 1554 г. они, претерпев трансформацию, перешли из начала титула в конец («Востока и всея Северные страны повелитель»)¹⁴³, а с 1555 г. место «Востока» заняла Сибирь – «всех Сибирских земель и Северные страны по-

велитель». При Борисе Годунове в связи с перемещением слов «царь Сибирский» в начальную часть титула оба понятия оказались разорванными¹⁴⁴. Все же три атрибута вместе – «Восточная, Западная и Северная страны» (государства) – появляются впервые, как можно думать, в ититуляции грамоты ноября 1585 г. царя Федора Ивановича: «и иных многих государств государь, Восточных, и Западных, и Северных, отчич, и дедич, и наследник»¹⁴⁵. Таким образом, если сначала Сибирь и могла отождествляться с Востоком (ибо заняла его место в титуле), то со временем эта соотнесенность перестала осознаваться (ибо в титуле могли присутствовать одновременно оба объекта – и Сибирь, и Восток). В 1656 г. русские дипломаты так объясняли объекты титула: «...за великим государем нашим в тех странах государства есть: на востоке – царство Казанское и Астраханское, а на Западе и Севере – Сибирское царство и иные многие города и места»¹⁴⁶. Эту весьма условную ориентировку не следует принимать во внимание при анализе печати, поскольку татарские царства символизировали короны.

Исходя из структуры титула можно заключить, что первоначально «Восточная и Северная земли», находясь перед конкретными географическими объектами и следуя после атрибута «всего Русии», обобщенно очерчивали территориальные пределы владений московских государей, простиравшихся как на восток, так и на север. Иными словами, они определяли пространство, а далее в титуле шла конкретная локализация земель. Когда же атрибут «Северная страна» стал помещаться в конце титула, то его смысловое значение оказывалось иным: «Северная страна» не «покрывала» конкретные объекты, а выполняла роль условного географического ориентира. При наличии же всех трех обозначений («Восточных, и Западных, и Северных») к ним вновь возвращалось географически обобщающее значение.

То, что «Сибирь» и «Северная страна» стояли в титуле рядом, могло в какой-то степени способствовать их смысловому сопоставлению [после того как обозначение Сибири

ушло в начало титула, атрибуту «Северная страна» стали предшествовать «Болгарский» (в кратком варианте титула) или «Кондинский» (в полном)]. В «Титулярнике» 1672 г. «Северная страна» обозначена конем с двумя звездами (позднее эта эмблема стала гербом Иверии, т. е. грузинских земель)¹⁴⁷. Уже во второй половине XIX в. в росписях царского кабинета Теремного дворца подобная эмблема (копь со звездой) обозначена как Томская и сопоставлена, таким образом, с тогдашним томским гербом¹⁴⁸.

Титульный объект «Северная страна» сохранился в титуле вплоть до 1917 г.¹⁴⁹ Включение всех трех обозначений («Восточных, и Западных, и Северных») в эмблематику государственной печати 1667 г. было особенно актуальным, так как именно их и не хотели признавать на рубежом¹⁵⁰.

Интересно, что условные изображения городов сгруппированы по принципу смысловых рядов: справа от орла – «Великая, Малая и Белая России», слева – «Восточная, Западная и Северная страны». Тот принцип, по которому строилось расположение эмблем на печати Ивана Грозного 1577 г., уступил место логической иерархии. Вся композиция являет собой, таким образом, три триады, расположенные по трем сторонам от орла. Крылья орла направлены и подняты вверх¹⁵¹. Он как бы охватывает ими и три «России», и три «страны», «покрывая» их своей властью, что соответствует титулу «обладатель» (это слово появилось в царском титуле еще в конце XVI в.). С этого времени и до 1917 г. крылья орла оставались поднятыми (за исключением первой половины XIX в., когда в одном из типов государственного герба крылья орла были опущены, но распластаны)¹⁵².

Под орлом расположен «знак отчича и дедича» (соответствующий словам титула «отчич и дедич»). Его значение раскрывается при сопоставлении с печатями грамоты Богдану Хмельницкому и Малороссийского приказа. На них под орлом изображены две группы людей и между ними лежит на возвышении гетманская булава¹⁵³. Таким образом символически обозначено принятие Украины под

власть московского царя. На печати 1667 г. изображения менее конкретны, но можно думать, что «знак отчича и дедича» подчеркивал исконные права на эти земли русского государя.

Существенно, что все эмблемы занимают лишь одну сторону печати. С этого времени российская государственная печать становится односторонней. Геральдическое изображение печати 1667 г., в котором прежде всего закреплялись конкретные политические реалии, просуществовало до конца XVII в., начального периода правления Петра I¹⁵⁴.